

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ ОБЫЧАЙ КАК ИСТОЧНИК ПРАВА АНГЛИИ

Юрий ЩЁКИН,

кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права
Национального университета «Юридическая академия Украины имени Ярослава Мудрого»

Summary

The article is devoted to the research of theory and practice of application of international law customs in England law system. It has been studied the usage of the incorporation and transformation doctrines in the English courts practice on the examples of the main cases, dealt with establishment, interpretation and application of international law customs: *Buvot v. Barbut* (1737), *Triquet v. Bath* (1764), *Queen v. Keyn* (1876), *West Rand Central Gold Mining Co., Limited v. R.* (1905), *Chung Chi Cheung v. The King* (1939), *Trendtex Trading Corp. v. Central Bank of Nigeria* (1977), *Maclaine Watson v. Department of Trade and Industry* (1988) and *R. v. Jones and Milling* (2006).

Key words: international custom, international customary law, doctrine of incorporation, doctrine of transformation, doctrine *stare decisis*.

Аннотация

В статье проводится исследование истории теории и практики применения международно-правовых обычаев во внутреннем праве Англии. Изучено использование доктрин инкорпорации и трансформации в практике судов Англии на примерах основных дел, связанных с установлением, толкованием и применением международно-правовых обычаев: *Buvot v. Barbut* (1737 г.), *Triquet v. Bath* (1764 г.), *Queen v. Keyn* (1876 г.), *West Rand Central Gold Mining Co., Limited v. R.* (1905 г.), *Chung Chi Cheung v. The King* (1939 г.), *Trendtex Trading Corp. v. Central Bank of Nigeria* (1977 г.), *Maclaine Watson v. Department of Trade and Industry* (1988 г.) и *R. v. Jones and Milling* (2006 г.).

Ключевые слова: международно-правовой обычай, международное обычное право, доктрина инкорпорации, доктрина трансформации, доктрина *stare decisis*.

Постановка проблемы. Одним из факторов, обеспечивающих эффективность взаимодействия Украины с зарубежными государствами на международной арене, является способность быстро и адекватно имплементировать принятые на себя международно-правовые обязательства. Изучение особенностей применения международно-правовых обычаев как одного из основных источников международного права в судебной практике Англии поможет выработать взвешенное отношение к ним в правовой системе Украины, устранить имеющиеся пробелы в конституционном и законодательном закреплении, а также в практике применения судами Украины.

Актуальность темы исследования состоит в том, что в настоящее время на Украине отсутствуют фундаментальные научные работы, раскрывающие особенности установления, толкования и применения международно-правовых обычаев в правовой системе Англии.

Состояние исследования. Научный анализ проблем функционирования правовой системы Англии осуществлялся многими отечественными учеными. Среди них следует назвать таких специалистов, как В. Г. Буткевич, В. Н. Денисов, И. И. Лукашук, Л. А. Луць, Б. В. Малышев, С. В. Шевчук,

работы которых и послужили научной базой для настоящего исследования.

Целью статьи является исследование истории судебной практики и доктрины Англии в отношении применения международно-правовых обычаев во внутреннем праве этого государства.

Изложение основного материала. Главенствующую роль в формировании представлений о месте норм международного обычного права в правовой системе Англии играет судебная практика. Так же, как и в США, более распространенным термином, подразумевающим применение международно-правовых обычаев, является «право народов» (“the Law of Nations”). Использование его обусловлено историческими причинами, а именно огромной популярностью одноименной работы Э. де Ваттеля среди английских ученых и судей в XVIII-XIX вв. [4, p. 15-19]. В Англии это было время наиболее гармоничного развития правовой системы, характеризуемого постепенным и компромиссным слиянием общего права и права справедливости, реформами судебной системы [см.: 2, с. 221–224] и большим авторитетом государства на международной арене, что обусловило практический интерес к международному праву.

В XVIII в. английские суды ориентировались на доктрину инкорпорации,

предложенную сэром Вильямом Блэкстоуном (Sir William Blackstone) [см.: 16, p. 54]. В соответствии с ней право народов в своём полном объёме принято общим правом и рассматривается как часть права территории [5, p. 67]. В. Блэкстоун указывал на политические причины утверждения в судебной практике данного правила – невозможность королевской власти «вводить новое право или прекращать исполнение старого» [5, p. 67]. Далее он добавлял: «И те акты парламента, которые время от времени создаются для введения этого универсального права или для обеспечения исполнения его решений не должны рассматриваться в качестве вводящих какую-либо новую норму, а просто как декларирующие старые фундаментальные конституции королевства, без которых оно перестает быть частью цивилизованного мира» [5, p. 67]. В качестве наиболее опасных нарушений права народов учёный рассматривал: (а) нарушение безопасного поведения, (б) нарушение прав послов и (в) пиратство [см.: 5, p. 68-73].

Общепринято, что впервые в судебную практику доктрину инкорпорации применительно к имплементации норм права народов в английское право ввел лорд Тэлбот (Lord Talbot), указавший в решении по делу *Buvot v. Barbut* (1737 г.), что «право народов в

своём полном объеме является частью права Англии». В 1764 г. его слово в слово повторил лорд Мансфилд (Lord Mansfield) в решении по делу *Triquet v. Bath*. [цит. по: 10, р. 36; 11, р. 114].

Во второй половине XIX ст., по мнению многих учёных, английские суды начинают применять *доктрину трансформации* [см.: 16, р. 54; 9, р. 41]. Считается, что начало применению новой доктрины было положено решением Суда по рассмотрению зарезервированных дел Короны по делу *Queen v. Keyn* 1876 г. Суд расследовал обстоятельства столкновения в английских территориальных водах английского и немецкого судов [см.: 7, р. 136–144]. Вопрос о толковании и применении норм права народов был поднят в связи с установлением юрисдикции суда по делу. Суд сознательно отказался следовать доктрине инкорпорации, постановив, что английские суды не имеют юрисдикции над преступлениями, совершенными иностранцами в границах морского пояса шириной до трёх миль, прилегающей к побережью Великобритании, хотя такое право и существовало на основании международного обычного права. Лорд-судья Кокбёрн (Lord Chief Justice Cockburn), автор решения, указал, что когда-то ранее такая юрисдикция существовала, но впоследствии она была отменена и заменена новой доктриной, продвигаемой учёными Англии, Америки и континентальной Европы. При этом, отметил он, среди них нет согласия, но как бы то ни было, их мнения в любом случае не создают права сами по себе, т.е. независимо от согласия цивилизованных народов. Следовательно, такое согласие должно быть доказано, ибо «весьма сомнительно, чтобы этот принцип, рассматриваемый сейчас, возрос до новой [нормы] права, мог бы применяться судами без санкционирования Актом Парламента» [цит. по: 7, р. 139].

Следует обратить внимание на то, что не все ведущие британские специалисты квалифицировали ход рассуждений лорда-судьи Кокбёрна как отход от доктрины инкорпорации. Так, Я. Броунли заявил о его неоднозначности. «Элементы трансформации, – пишет Я. Броунли, – в суждении лорда-судьи Кокбёрна полностью совместимы с доктриной инкорпорации, если учесть, что его интересовал вопрос о доказательстве

норм международного права: если доказательство не является окончательным, а от решения вопроса зависит свобода человека, то для исполнения имеющегося доказательства требуется волеизъявление законодательного органа страны суда. Однако в качестве общего условия он не требует наличия положительно выраженного одобрения или фундаментальной трансформации посредством парламентского акта» [1, с. 85].

Замечание Я. Броунли представляется весьма уместным, поскольку аналогичный Кокбёрну в деле *Queen v. Keyn* ход мысли лорда-судьи Алверстоуна (*Lord Alverstone CJ*) в решении по делу *West Rand Central Gold Mining Co., Limited v. R.* (1905 г.) многие квалифицировали как «частичный возврат к теории инкорпорации» [16, р. 54]. В этом деле заявитель – *West Rand Central Gold Mining Co., Limited* – утверждал, что должностными лицами Республики Трансвааль (Южно-Африканская Республика) у неё были конфискованы два пакета с золотом. В документе о конфискации правительство Республики Трансвааль обязывалось вернуть конфискованное золото или возместить его стоимость. По итогам войны в 1900 г. территория ЮАР стала доминионом Её Величества. По мнению заявителя, Великобритания стала преемником Республики Трансвааль, в том числе в отношении её имущества, и, соответственно, тех обязательств, которые брало это правительство по возврату золота [подробнее см.: 17].

В этом деле лорд-судья Алверстоун согласился с тем, что для формирования норм международного права наряду с общим согласием цивилизованных народов должно быть получено согласие Великобритании, которое «должно быть признано и применяться нашими местными судами». Но в то же время он подчеркнул решающее значение «удовлетворяющих» доказательств доктрин со стороны государств, чтобы они – эти доктрины – обязывали народы. Выражение ««право народов формирует часть права Англии» не должно толковаться таким образом, что в качестве части права Англии включаются мнения учёных по определённому вопросу, в отношении которых нет доказательств предоставления Великобританией когда-либо своего согласия, и *a fortiori* если они противоречат прин-

ципам её права, провозглашённых её Судами» [см.: 17].

Таким образом, нормы права народов, основанные на доктринах, т.е. международно-правовые обычаи могли применяться британскими судами, если: а) помимо общего согласия цивилизованных народов на них было получено согласие Великобритании; б) они обеспечивались «удовлетворяющими» доказательствами; в) они не противоречили действующим нормам права Великобритании, «провозглашённых её Судами».

Отметим, что Л. Оппенгейм, ссылаясь на данное дело, заявил о непротиворечии новых международно-правовых обычаев не установившейся ранее судебной практике, а «английскому статутному праву», т.е. законам [см.: 12, р. 26]. Между тем в объяснении своей позиции он указал на наличие презумпции приоритета норм международного права (подразумевались по тексту именно международно-правовые обычаи) над внутренним правом, если рассматриваются дела, допускающие многозначное толкование. Он написал: «Так как английское статутное право при всех обстоятельствах и условиях является обязательным для английских судов, даже если оно противоречит международному праву, *хотя в неясных делах существует презумпция, что никакой Акт Парламента не может предназначаться для верховенства над международным правом* (выделено автором – Ю. Щ.)» [12, р. 26–27].

Доктрина инкорпорации была подтверждена и развита Тайным советом (Privy Council) в решении по делу *Chung Chi Cheung v. The King* (1939 г.), излагая которое лорд Аткин (Lord Atkin) постановил: «Во всяком случае, когда речь идет о судах этой страны, международное право имеет силу лишь постольку, поскольку его принципы признаны и восприняты нашим собственным внутренним правом. Не существует такой внешней силы, которая навязывает свои нормы нашему собственному кодексу материального или процессуального права. Суды признают существование комплекса норм, который принят государствами в их отношениях друг с другом. По всякому затронутому в суде вопросу они стремятся установить, что представляет со-

бой соответствующая норма, и, найдя её, рассматривают её как инкорпорированную во внутреннее право, коль скоро она не является несовместимой с нормами, содержащимися в законах или окончательно декларированными внутренними судами» [цит. по: 1, с. 87; 9, р. 42].

Оговорка лорда Аткина о последствиях возможной коллизии между инкорпорированными нормами международного права и внутренними английскими законами и судебной практикой была подвергнута значительной переоценке Апелляционным судом в решении по делу *Trendtex Trading Corp. v. Central Bank of Nigeria* (1977 г.) [см.: 15]. Компания *Trendtex* требовала у Центрального Банка Нигерии плату за простой шести судов, возмещение стоимости цемента, погруженного на два судна, и стоимости убытков за неполучение остатка непоставленного товара (175 340 т цемента). ЦБ Нигерии оспаривал исковые требования компании *Trendtex* на том основании, что он, как орган Федеративной Республики Нигерии, обладает иммунитетом.

Лорд Деннинг (Lord Denning), излагая свою позицию в решении по делу *Trendtex*, прямо поставил вопрос о приоритетности какой-либо из доктрин при применении норм международного обычного права. Он задался вопросом: «Какая правильная?». И сам на него ответил: «... сейчас я верю, что доктрина инкорпорации правильная. В противном случае я не понимаю, как наши суды когда-либо смогут признать изменения в нормах международного права. Несомненно, международное право меняется, ... и суды учитывали изменения без помощи каких-либо актов парламента. ... Международное право не знает нормы *stare decisis*. Если данный суд сегодня убедится в том, что рассматриваемая норма международного права изменилась за 50 или 60 лет, он должен дать силу этому изменению – и применить это изменение в нашем английском праве – без ожидания того, что это сделает Палата Лордов» [15].

Революционность решения по делу *Trendtex* заключалась главным образом в отрицании применения принципа *stare decisis* при обращении к нормам международного обычного права. До этого решения, как отмечает М. Н. Шоу, считалось, что доктрина *stare*

decisis применяется в делах, включающих нормы международного обычного права, также как и в других судебных делах, «независимо от каких-либо изменений в течение какого-либо времени в таком праве» [14, р. 145]. Принцип *stare decisis* – так называемый «принцип прецедента», обязывающий английские суды придерживаться прецедентов, установленных высшими судами, а апелляционные суды (кроме Палаты лордов) – своих предыдущих прецедентов [см.: 3, с. 201].

Несмотря на стержневой, цементирующий характер для правовой системы Великобритании принципа *stare decisis*, из него есть ряд общепризнанных исключений [см.: 3, с. 207-215]. Дело *Trendtex* определило ещё одно. Однако, несмотря на кажущуюся очевидную ясность формулировок, оно не смогло полностью преодолеть данный принцип. Во-первых, это было бы слишком радикально для профессионального менталитета британских юристов. Так, Р. Давид и К. Жоффре-Спинози, рассматривая основы английского права, отмечают: «Изменить или отменить какую-либо норму действующего права – во власти законодателя. Однако он почти не властен изменить язык и основы юридического мышления» [2, с. 226]. А, во-вторых, некоторые британские учёные обратили внимание на неоднозначность толкования лордом Деннингом понятий «инкорпорация» и «трансформация» применительно к международно-правовым обычаям, их несоответствие общепринятым представлениям о них.

Так, Р. К. Гардинер (R. K. Gardiner) обращает внимание на то, что понятие «инкорпорация», используемое лордом Деннингом применительно к международно-правовым обычаям, отличается по смыслу от общепринятого понимания инкорпорации международных договоров в английское право: если в первом случае вмешательство парламента не требуется (как пишет лорд Деннинг), то во втором оно обязательно (как общепринято). «Как правило утверждается, – пишет учёный, – что договор будет «инкорпорирован» только тогда, когда вмешивается Парламент и соответствующие договорные обязательства стали предметом законодательства» [8, р. 133]. Также он указывает, что согласно лорду Деннингу,

трансформация международного права во внутреннее право Великобритании происходит не только тогда, когда вмешивается парламента, но и тогда, когда норма международного права закреплена в судебных решениях [см.: 8, р. 133].

В итоге позиция лорда Деннинга в деле *Trendtex* только усилила влияние доктрины инкорпорации. Она не преодолела доктрину трансформации. Например, Т. Хиллер (*T. Hillier*), оценивая последствия дела *Trendtex*, заявляет, что международное обычное право для применения английскими судами должно удовлетворять двум основным условиям: 1) «если существует противоречие между международным обычным правом и Актом Парламента, превалирует Акт Парламента. При этом должно быть отмечено как общее правило статутного (законодательного) толкования, что суды будут стараться толковать статуты таким образом, чтобы избежать противоречия с международным правом. Это [правило], конечно, не применяется, если статут является ясным и недвусмысленным»; и 2) «если существует противоречие между международным обычным правом и обязательным юридическим прецедентом, сформировавшим норму английского права, судебный прецедент превалирует. Но, следуя делу *Trendtex*, английские суды сейчас могут отойти от ранних судебных прецедентов, сформулировавших нормы международного права, если международное право за это время изменилось» [9, р. 42, 43].

Такой же подход по итогам дела *Trendtex* подтверждает С. К. Верма [16, р. 56]. Он также указывает на случаи, когда английские суды отказываются напрямую, автоматически применять нормы международного обычного права: во-первых, когда возникает вопрос об актах государства, «таких как объявление войны или передача территории, независимо от нарушения международного права»; и, во-вторых, когда речь идет о королевских прерогативах, «таких как осуществление признания государств или правительства, или дипломатического статуса или иммунитета определённых лиц, которые не могут допрашиваться в судах и которые несут ответственность на основании письменного удостоверения или правительственного распоряжения, даже если

они и противоречат определённым нормам международного права» [16, p. 55].

Несмотря на то, что позиция лорда Деннинга по делу *Trendtex* была полностью подтверждена в ряде последующих решений (наиболее известное из них *Maclaine Watson v. Department of Trade and Industry* 1988 г. [см.: 14, p. 145, 146]), современная судебная практика демонстрирует избирательность её применения. Имеется в виду решение Палаты лордов по делу *R. v. Jones and Milling* (2006 г.) [13], в котором в центре внимания оказалась императивная норма общего международного права о запрещении агрессии.

Заявители по делу (Джонс, Миллинг и др.), обратившиеся с апелляцией в Палату лордов, обвинялись в актах гражданского неповиновения, сопровождавшихся поджогами и грубейшими нарушениями гражданского порядка. Своё поведение они объясняли попытками помешать подготовке вооруженных сил США и Великобритании к вторжению в Ирак в марте 2003 г., так как, по их мнению, данная война была агрессией, запрещённой международным правом. В оправдание своих действий они ссылались, в частности, на п. 3 (1) Акта об уголовном праве 1967 г. (*Criminal Law Act 1967*), по которому «лицо может использовать такую силу, которая разумно необходима в определённых обстоятельствах для предотвращения преступления».

Опуская многочисленные детали дела, отметим, что решение Палаты лордов было половинчатым: с одной стороны, она признала наличие в общем международном праве обычной нормы, запрещающей совершение актов агрессии, но, с другой стороны, она отказалась признать этот международно-правовой обычай неотъемлемой частью внутреннего права Англии без проведения парламентом соответствующей процедуры по трансформации нормы. Так, лорд Бингхэм Корнхилский (*Lord Bingham of Cornhill*), объясняя своё несогласие с позицией заявителей об автоматической «ассимиляции» преступления агрессии во внутреннее право Англии, использовал аргументы сторонников доктрины трансформации. Он, в частности, привёл в п. 23 решения слова сэра Франклина Бермана (*Sir Franklin Berman*) о том, что «международное право не может без вмеша-

тельства парламента создавать преступление, имеющее прямую подсудность для английских судов. ... В виду того, что рецессия обычного международного права в английском право осуществляется на основании общего права, и в виду того, что развитие нового обычного международного права является главным образом результатом международного поведения исполнительной власти, в котором ни законодательная власть, ни суды, ни какой-либо другой конституционный орган не играют какого-либо участия, было бы странно, если бы исполнительная власть могла посредством данного средства (международно-правового обычая – Ю. Щ.), действуя совместно с другими государствами, дополнять или изменять, в частности, *уголовное* право со всеми последствиями для свободы личности и прав личной собственности».

Необходимость обращения к парламенту для введения преступления агрессии во внутреннее уголовное право Англии лорд Бингхэм видит в необходимости следования демократическому принципу, в соответствии с которым «в наши дни парламент и только парламент принимает решение о том, будет ли поведение, ранее не являвшееся преступлением, составлять новое правонарушение» (п. 60 решения). Он согласился с тем, что ряд международных правонарушений, закреплённых в международном обычном праве «очень давно» («право, касающееся безопасного поведения, послов и пиратства»), уже составляют часть права Англии, «но новые внутренние правонарушения ... должны обсуждаться в парламенте, определяться в статуте и вступать в силу в определённую дату. Они не должны появляться в результате международного консенсуса, к которому причастна только исполнительная власть этой страны» (п. 62).

Решение Палаты лордов по делу *R. v. Jones and Milling* вызвало немало критических комментариев у британских специалистов. Например, П. Кэппс (P. Capps) отметил, что «это дело поставило Палату лордов в очень неудобное положение, вынуждающее её балансировать и пересматривать обоснованность большого количества фундаментальных правовых принципов» [6, p. 466]. Уже «то, что агрессия является незаконной по английскому

праву, – указал учёный, – может поставить вопрос о том, является ли Великобритания, словами Блэкстоуна, «цивилизованной нацией»» [6, p. 467].

Непосредственное практическое влияние данного дела состояло в том, что после него принцип *nullum crimen sine lege* включал требование *lex scripta*, т.е. отныне новая норма уголовного права обязательно должна быть закреплена в статутах (английском законодательстве) [6, p. 468]. И в аналогичных случаях английская судебная практика теперь недвусмысленно сориентирована на следование доктрине трансформации при обращении к международным правонарушениям, воплощенным в обычно-правовой форме. В целом же каждый английский суд теперь вынужден не только устанавливать наличие того или иного обычая в международном праве, имеющего отношение к рассматриваемому делу, но и выяснять «существование каких-либо конституционных препятствий к его инкорпорации» [14, p. 148, 149].

Список использованной литературы:

1. Броунли, Я. Международное право : в 2 кн. / Я. Броунли. – М. : Прогресс, 1977. – Кн. 1. – 536 с.
2. Давид, Р. Основные правовые системы современности / Р. Давид, К. Жоффре-Спинози ; пер. с фр. В. А. Туманова. – М. : Междунар. отношения, 1997. – 400 с.
3. Малишев, Б. В. Судовий прецедент у правовій системі Англії / Б. В. Малишев. – К. : Праксіс, 2008. – 344 с.
4. Bellia, A. J. (Jr). The Federal Common Law of Nations / A. J. Bellia (Jr), B. R. Clark // *Columbia Law Review*. – January 2009. – Vol. 109. – No. 1. – P. 1-93.
5. Blackstone, W. Commentaries on the Laws of England. Book IV / W. Blackstone // *A Facsimile of the First Edition 1765–1769*. – Chicago : Chicago University Press, 1979. – 514p.
6. Capps, P. The Court as Gatekeeper : Customary International Law in English Courts / P. Capps // *The Modern Law Review*. – May 2007. – Vol. 70: Issue 3. – P. 458–471.
7. Cobbett, P. *Leading Cases on International Law, with Notes Containing the Views of the Text-Writers on the Topics Referred to, Supplementary Cases,*

Treaties and Statutes. Vol. 1. Peace / P. Cobbett, H. H. L. Bellot. – London : Sweet and Maxwell, limited, 1922. – 434 p.

8. Gardiner R. K. International Law / R. K. Gardiner. – England : Pearson Education Limited, 2003. – 517 p.

9. Hillier, T. Sourcebook on Public International Law / T. Hillier. – London, U.K. : Cavendish Publishing Limited, 1998. – 883 p.

10. Kirby, H. M. The Common Law and International Law / H. M. Kirby. - A Dynamic Contemporary Dialogue // Legal Studies. – March 2010. – Vol. 30, No. 1. – P. 30–60.

11. O'Brien, J. International Law / J. O'Brien. – London, U.K. : Cavendish Publishing Limited, 2001. – 861 p.

12. Oppenheim, L. International Law: A Treatise. Vol. I. Peace /

L. Oppenheim. – 3d edition / ed. By R. F. Roxburgh. – Clark, New Jersey, USA: The Lawbook Exchange, Ltd., 2005. – 799 p. – P. 64–84.

13. R. v. Jones and Milling [2006] UKHL 16 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.publications.parliament.uk/pa/ld200506/ldjudgmt/jd060329/jones-1.htm>.

14. Shaw, M. N. International Law / M. N. Shaw. – 6th edition. – New York, U.S.A. : Cambridge University Press, 2008. – clxvi + 1542 p.

15. Trendtex Trading Corp. v. Central Bank of Nigeria [1977] 2 W.L.R. 356 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.uniset.ca/other/css/19772WLR356.html>.

16. Verma, S. K. An Introduction to Public International Law / S. K. Verma. – PHI Learning Pvt. Ltd., 2004. – 492 p.

17. West Rand Central Gold Mining Co., Limited v. R. 2 K.B. 391 [1905] [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://lawofwar.org/west_rand_central_gold.htm.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ НОРМАТИВНО-ПРАВОВЫЕ ТРЕБОВАНИЯ К РЕЖИМУ ИСПОЛНЕНИЯ И ОТБЫВАНИЯ НАКАЗАНИЙ В ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ И ИХ РЕАЛИЗАЦИЯ В УКРАИНЕ

Александр ЩЕРБИНА,

начальник отделения международных связей
Днепропетровского государственного университета внутренних дел

Summary

This article discusses the major international regulatory requirements and enforcement regime penal. Analyzes their implementation in the current legislation of Ukraine. Examines the key stages of implementation of international regulatory requirements and enforcement regime penal in Ukraine. Author compares the basic requirements for the mode of execution and serving sentences under the existing penal laws and laws of Ukraine, which operated on the territory of Ukraine before the new PEC Ukraine. Identifies some of the features and implementation of the penal regime in Ukraine by applicable law.

Key words: international regulatory requirements, penal regime in Ukraine, standards of treatment of prisoners, Rules for the Treatment of Prisoners.

Аннотация

В статье рассматриваются основные международные нормативно-правовые требования к режиму исполнения и отбывания наказаний. Анализируется их реализация в действующем законодательстве Украины. Рассматриваются ключевые этапы внедрения международных нормативно-правовых требований к режиму исполнения и отбывания наказаний в Украине. Автором проводится сравнение основных требований к режиму исполнения и отбывания наказаний по действующему уголовно-исполнительному законодательству Украины и законодательству, которое действовало на территории Украины до принятия нового УИК Украины. Определяются некоторые особенности реализации режима и отбывания наказаний в Украине по действующему законодательству.

Ключевые слова: международные нормативно-правовые требования, режим отбывания наказаний в Украине, стандарты обращения с осужденными, правила обращения с заключенными.

Постановка проблемы. Демократические преобразования, произошедшие в Украине, обусловили необходимость реформирования Государственной уголовно-исполнительной службы Украины и приведения ее в соответствие с международными нормами. Функционирование уголовно-исполнительной службы должно базироваться на соблюдении положений Конституции и законов Украины, принципов международного права и европейской этики, принципов внепартийности, политической незаангажированности, открытости для взаимодействия с национальными и международными общественными организациями и институтами [17].

Современное уголовно-исполнительное законодательство Украины состоящее из Уголовно-исполнительного кодекса Украины, других актов законодательства, действующих международ-

ных договоров, согласие на обязательность которых предоставлено Верховной Радой Украины ориентировано на определение принципов исполнения уголовных наказаний, правового статуса осужденных, гарантий защиты их прав, законных интересов и обязанностей; порядка применения к ним мер воздействия с целью исправления и профилактики асоциального поведения, системы органов и учреждений исполнения наказаний, их функций и порядка деятельности; надзора и контроля за исполнением уголовных наказаний, участия общественности в этом процессе и т. д. [10].

Важную роль в уголовно-исполнительном законодательстве отведено установленному порядку исполнения и отбывания наказания (режим), который должен обеспечивать изоляцию осужденных; постоянный надзор за ними, выполнение возложенных на